

КНЯЗЬ КОНСТАНТИНЪ (ВАСИЛІЙ)

ОСТРОЖСКІЙ.

—

Родъ князей Острожскихъ, чрезъ князей Галицкихъ, велъ свое начало отъ первопроевѣтителя земли русской, равноапостольнаго Владиміра. Благочестіе и крѣпкая любовь къ православной вѣрѣ великаго [предка были какъ-бы наслѣдственными въ домѣ князей Острожскихъ. Они принимали самое живое и близкое участіе въ судьбѣ православной южно-русской Церкви и русскаго народа, тѣснимыхъ латинствомъ. Одинъ изъ благочестивыхъ членовъ этого семейства, князь Феодоръ Вас., собственною кровію защищавшій въ XV вѣкѣ права русской Церкви, даже прославленъ въ ликѣ святыхъ (1). Но вліяніе князей Острожскихъ какъ на государственную, такъ и на церковную судьбу югозападной Руси, замѣтнѣе и рѣшительнѣе становится съ начала XVI

(1) Мощи святаго князя Феодора почиваютъ въ Кіевской лаврѣ. Истор. рос. іер. ч. I. стр. 313.

вѣка, съ того времени, какъ правнукъ св. Теодора, Константинъ Ивановичъ, князь Острожскій личными доблестями приобрѣлъ великую силу при дворѣ королей польскихъ. Изъ сохранившихся до нашего времени жалованныхъ князю Константину грамотъ видимъ, что король Сигизмундъ I не находилъ почти словъ для выраженія своей благодарности и признательности къ великимъ государственнымъ заслугамъ князя Константина Ивановича (1), а награды, которыми онъ надѣлялъ князя, возбуждали въ полякахъ зависть, доходившую до явнаго возмущенія противъ короля (2). Константинъ Ивановичъ, обладая обширными помѣстьями на Волыни, былъ въ то же время гетманомъ литовскимъ, маршалкомъ волыньскимъ, старостою винницкимъ, луцкимъ, брацлавскимъ, воеводою троцкимъ и каштеляномъ виленьскимъ. Такое соединеніе достоинствъ въ лицѣ князя, личныя его заслуги и вліяніе при дворѣ, невольно обращали на него вниманіе какъ православныхъ русскихъ, такъ и иновѣрцевъ. «Если бы, писалъ къ папѣ его легатъ, этотъ Константинъ обратился къ нашей (латин-

(1) См. королевскія грамоты князю въ Акт. 3. Р. т. 2. №№ 29 и 115.

(2) Нѣсенскаго корона III, 514,

ской) Церкви, его примѣру послѣдовало бы *безчисленное множество русскаго народа*. Такимъ уваженіемъ и славою онъ пользуется у нихъ! Но жаль, что, при отличныхъ способностяхъ и великихъ заслугахъ, онъ *въ высшей степени приверженъ* (*observantissimus*) къ своей вѣрѣ и на іоту не хочетъ отступить отъ нея» (1). Лучше этой похвалы благочестію князя, болѣе яснаго выраженія вліянія, какое имѣли тогда на православное русское населеніе князья Острожскіе, нельзя и требовать. Дѣйствительно, князь Константинъ, при всей возвышенности своего общественнаго положенія, не увлекался примѣромъ многихъ русскихъ магнатовъ того времени, для которыхъ измѣна вѣрѣ отцовъ была дѣломъ обыкновеннымъ. Искренно преданный святой, православной вѣрѣ, онъ доказывалъ свое усердіе къ ней на самомъ дѣлѣ и принималъ близкое участіе въ дѣлахъ церковныхъ (2). Но обстоятельства времени не дали случая на этомъ послѣднемъ поприщѣ выказаться душевнымъ доблестямъ князя въ

(1) Нѣсец. кор. III, 514.

(2) Объ его усердіи къ православной Церкви см. акты город. Вильно, Трокъ и пр. ч. 2. № 6. Журн. Мин. Нар. просв. 1849 г. Апр. стр. 5;— объ участіи въ дѣлахъ церковныхъ: Акт. 3. Р. т. 2. №№ 65, 99, 109, 125, 135, 146 и 198.

такой же полнотѣ и силѣ, въ какихъ онѣ выказались на поприщѣ дѣятельности военной и государственной. Честь великихъ заслугъ для Церкви досталась на долю его младшему сыну Константину-Василію (1).

Личность князя Острожскаго Константина-Василія стѣбитъ того, чтобы на нее было обращено вниманіе. Онъ не только извѣстенъ какъ писатель русскій, но и знаменитъ какъ одинъ изъ сильныхъ и благоразумнѣйшихъ дѣятелей въ исторіи православной русской Церкви. Не мало было на югѣ Россіи, во время князя Константина, ревнителей православія; но никого изъ всѣхъ не почтилъ такою признательностію народъ русскій, какъ князя Острожскаго, увѣковѣчивъ его память на страницахъ исторіи славными титулами «отца и благодѣтеля Россіи, рачителя благочестія, ока

(1) Константинъ родился отъ второй супруги Константина Ивановича и былъ нареченъ въ св. крещеніи *Василіемъ*. Но къ его имени было присоединено еще имя отца: *Константинъ*, точно также, какъ въ вослѣдствіи, къ имени его внука—Владимира, происходившаго отъ сына его Яна, было присоединено имя отца: Янъ Владиміръ (Нѣс. III, 517). Вотъ почему этотъ князь Константинъ извѣстенъ то подъ этимъ именемъ, то подъ именемъ *Василія*.

и свѣтила церковнаго» (1). Промыслу угодно было вызвать на служеніе Церкви этого человека въ одну изъ важнѣйшихъ для Церкви русской эпохъ,—когда у насъ долженъ былъ разрѣшиться окончательно вѣковой вопросъ о возможности соединенія русской православной Церкви съ латинскою. Время для Церкви было самое тяжкое и смутное. Латинское духовенство приняло уже рѣшительное намѣреніе какими бы то ни было средствами подчинить папѣ русскую Церковь, а польское правительство опредѣлило поддерживать планы духовенства всѣми мѣрами (2). Кромѣ хитрыхъ и тайныхъ средствъ, поборники латинскаго дѣйствовали уже такъ смѣло, что открыто глумились надъ Православіемъ, прибѣгали къ насмѣлкѣмъ (3). На

(1) См. опис. Царс. № 77. Акт. 3. Р. т. 4, 98 и въ Апокризисѣ посланіе митропол. Рагозы къ князю въ мартѣ 1595 года.

(2) Дополн. къ акт. иностр. стр. 2.

(3) Пресвитеръ острожскій Василій, издавшій въ 1588 году въ Острогѣ свое сочиненіе противъ равныхъ ересей, говоритъ въ немъ, между прочимъ, что уже въ то время латины «многихъ въ свое зловеріе понуждали, яко нѣкоимъ и отъ правовѣрныхъ чадъ, въ таяжде впадающе, присвоятися имъ». «Еще же поругающіеся насмѣваютъ и нѣкоихъ малодушныхъ и скудомныхъ сямъ соблазняютъ: яко попушеніемъ Божиимъ Греція страждетъ подъ боязнію поганыхъ ага-

ряду съ латинствомъ, могущественнѣйшимъ и опаснѣйшимъ врагомъ русской Церкви, особенно сильно развивались секты: жидовствующихъ ⁽¹⁾ и протестантовъ ⁽²⁾. Между тѣмъ

рянъ, сего ради укоряючи глаголютъ: и што суть патриархи ваши и гдѣ ихъ престолы, и для чего ихъ слушаете». (См. рук. Сол. библ. № 603. стр. 152. и 300 на обор.).

(1) Тотъ же пресвитеръ Василій пишетъ: «уже нынѣ явнѣ нѣкоторыхъ видимъ въ слѣпоту жидовскаго злоумія испадшихъ. Крадутъ бо жидове уставичиѣ (постоянно) христіанъ, не только маестности ихъ лихвами, мытами и иными фортельми (способами) вылужаютъ, но и отводячи блюзнерствомъ (нечестіемъ) своимъ, отъ духовнаго добра обнажаютъ, то есть, отъ царства небеснаго и отъ милости Божіей отдаляютъ. Прельстивши нѣкихъ отъ начальствующихъ и старѣйшихъ христіанскихъ сребролюбіемъ, не только на единомъ мѣстѣ, якоже первѣе было только въ Іерусалимѣ уставлено, но и нынѣ на многихъ мѣстцахъ созидающе капища и свои проклятые и богомерскіе ереси и тѣни, писаніемъ святымъ отреченнымъ и черезъ пророки заказанныя (запрещенныя) обновляютъ и исполняютъ на соблазнъ нѣкоимъ невѣждамъ и неутвержденнымъ въ христіанехъ (л. 242 наоб.—243. 295 наоб. Слѣч. Акт. 3. Рос. т. 3. № 146).

(2) «Сіа христіанохульницы, пишетъ Василій пресвитеръ о протестантахъ, паче же христоненавистницы отъ супротивнаго духа надмени будучи, многихъ малодушныхъ въ безчинное шатаніе подна-

Церковь православная, постоянно терпя гнѣсмущенія или гоненія отъ своихъ многочисленныхъ враговъ, разстроиваясь внутри, не имѣла никакой опоры и вовнѣ. Правительство польское, которому съ 1568 года подчинены были южно-русскія области, стало противъ Православія. Русское духовенство давно уже было устранено отъ всякаго вліянія на ходъ дѣлъ общественныхъ. Еще въ 1568 году кievскій митрополитъ Іона просилъ короля возобновить для русскаго духовенства право засѣданія въ сенатѣ, но король отложилъ исполненіе этой просьбы до будущаго времени и съ тѣхъ поръ она не возобновлялась ⁽¹⁾. Изъ русскихъ же дворянъ одни совершенно не обращали вниманія на бѣдствія Церкви, даже усиливали ихъ—то преступнымъ противленіемъ законамъ Церкви, то своими корыстолюбивыми притязаніями и отступничествомъ ⁽²⁾, другіе—

живають, зъ единыя прелести въ другую прескакиваячи, изъ люторскія въ кальвинскую, и изъ той во арианскую и въ прочія многія (л. 299).

(1) Акт. З. Р. т. 3, № 43.

(2) См. Акт. З. Р. т. 2. №№ 51, 77, 65, 109. 230. том. 3, № 1, 13, стр. 54. № 22. 43. 57. 111. 133. том. 4. №№ 14. 30. 31. и пр. Изъ актовъ видимъ также, что въ латинство и протестанство уклонялись большею частію дворяне. Жажда чужаго, новаго

не необходимости оставались въ бездѣйствіи, не имѣя средствъ помогать Церкви по бѣдности, или, и при богатствѣ, по слабому вліянію на дѣла вѣры и государства (1). Всѣ эти пре-

подражаніе иноземному, легковѣріе къ насмѣшкамъ еретиковъ надъ Православіемъ,—вотъ главнѣйшіе причины этого печальнаго явленія. О русскомъ дворянствѣ XVI вѣка пишетъ современникъ: «Русь посполитовавшися съ ними (поляками) позавидѣли ихъ обычаемъ, ихъ мовь (языку) и наукамъ и нежаючи своихъ наукъ у науки римскои свои дѣти отдавати почали, которые съ науками и вѣры ихъ навыкли,— и такъ по малу малу науки свои все панство русское до вѣры римской привели, иже потомковѣ князятъ русскихъ зъ вѣры православной на римскую выкрестилися и имена собѣ поотмыяли, якобы николи не знали быти потомками благочестивыхъ прародителей своихъ» (Акт. 3. Р. т. 4. стр. 205). Нерѣдко въ памятникахъ тогдашняго времени можемъ встрѣтить подобныя оцзывы: «мнози отъ вѣрныхъ въ различныхъ ересѣхъ погибша, паче же отъ блатородивѣйшихъ пановъ». Тамже № 32.

(1) До 1563 года привилегіями королей польскихъ было узаконено во всѣ высшія должности въ государствѣ и къ засѣданію въ сенатѣ—избирать исключительно лица латинскаго исповѣданія, и имѣющихъ у себя гербы шляхетскіе. Лица же православнаго исповѣданія, особенно русскіе, были советѣмъ лишены этихъ правъ. Въ 1563 году Сигизмундъ Августъ далъ русскимъ это право. Но уже въ 1568 году находилъ нужнымъ подтвердить его, потому

пятствія почти не существовали для князя Острожскаго. Болѣе всѣхъ русскихъ дворянъ того времени онъ имѣлъ возможности быть полезнымъ для Церкви и по своему государственному значенію и по внѣшнимъ средствамъ. Острожскіе князья пользовались всегда особеннымъ уваженіемъ со стороны польскаго правительства, ихъ расположеніемъ дорожили, даже заискивали его (1). Уваженіе къ князю Константину-Василію, со стороны правительства, поддерживаемое его личными заслугами, памятію о заслугахъ отца, и обширными родственными связями князей Острожскихъ съ знатнѣйшими литовско-русскими фамиліями (2), выразилось въ томъ, что какъ самъ князь, такъ и его дѣти занимали всегда видныя государственныя должности и первыя мѣста въ сенатѣ (3). Кромѣ того, ни у одного

что оно *было нарушаемо* (Акт. З. Р. т. 3. № 32 и примѣч. къ нему. Слѣч. № 146).

(1) См. *Временникъ моск. общ. ист. и др. кн.* 14. стр. 40.

(2) Какъ то: съ Олельковичами, Тарновскими, Косцелецкими, Радзивилами, Середями, Заславскими, Любомірскими, Замоискими, Ходкевичами. (Нѣсец. III, 512—519).

(3) Самъ Константинъ былъ воеводою кievскимъ, маршалкомъ волынскимъ, старостою владимірскимъ и пр.; его дѣти: Янъ—старостою нѣсколь-

изъ русскихъ южныхъ помѣщиковъ не было тогда столь обширныхъ владѣній, какъ у князей Острожскихъ. Ихъ княжество состояло изъ 35 городовъ и мѣстечекъ и 671 селенія, исключая многочисленныя имѣнія духовныя. Этимъ обширнымъ народонаселеніемъ владѣли князья Острожскіе самостоятельно, съ неограниченною властію (1).

Такъ, не говоря уже о глубокой, несокрушимой преданности православной вѣрѣ, наследованной отъ отца, въ своемъ внѣшнемъ положеніи и непосредственномъ вліяніи на большую часть русскаго населенія, князь Константинъ могъ находить для себя сильныя побужденія быть заступникомъ и оборонителемъ православной Церкви въ самыя тяжкія для нея времена. Состояніе Церкви православной глубоко поражало сердце благочестиваго кня-

кихъ городовъ, каштеляномъ краковскимъ; Александръ — воеводою волынскимъ, старостой переяславскимъ. О мѣстахъ въ сенатѣ см. Акты З. Р. 4. стр. 219.

(1) См. Временникъ кн. 14, стр. 38-40. Ежегодные доходы князей Острожскихъ, кромѣ поземельныхъ оброковъ, и подати съ корчемъ, лавокъ, простирались до 1.200.000 золотыхъ. Дворъ ихъ былъ содержимъ съ царскою пышностію: однихъ придворныхъ чиновъ было до двухъ тысячъ. Тамже стр. 44.

зя. «Видѣхъ, писалъ онъ, Церковь Христову, честною кровію Его искупленную, отсюда враги протявившимся попираему и нещадными волки, пришедшими въ міръ, безъ милосердія пожираему. Тѣмже помпнахъ словеса пророческая, яже нѣкогда и Господь нашъ Иисусъ Христосъ рече: жалость дому твоего снѣсть мя. Кто бо есть отъ благовѣрныхъ и благоразумныхъ, егоже не подвиже жалость, зряще ветхость Церкви Христовы, на паденіе клонящуся, или кто не смирится и не смутится, видя виноградъ Богомъ насажденный, егоже обънимаютъ вси мимоходящіи путемъ, разоренія ради оплотовъ его? Кто не умилилъ сердца своего и не плачется, зряще разореніе Церкви Христовы и испровержену хвалу Его: различныя супостаты и многообразная лукавства обстоятъ ны». Такъ писалъ князь въ предисловіи къ изданной имъ въ 1580 году Острожской библии. Только искренняя преданность св. вѣрѣ, въ связи съ яснымъ пониманіемъ состоянія Церкви, могли выражаться такимъ языкомъ. Съ такими мыслями и расположеніями приступалъ онъ къ трудамъ своимъ для блага Церкви. Дѣятельное попеченіе о благѣ Церкви, живое стремленіе устранить, по возможности, всѣ причины, возмущавшія ея спокойствіе совѣѣ, разстроивавшія ее внутри, естественно сдѣлались для князя выс-

шею, священнѣйшею обязанностию. «Всякій человекъ, писалъ онъ, во все время жизни своей ради спасенія собственнаго и другихъ, долженъ пещись о ревностномъ распространеніи славы Божіей. Кто не можетъ быть такимъ до конца жизни, тогъ пусть, по крайней мѣрѣ, приобщится этому дѣлу, приметъ въ немъ участіе. Я съ своей стороны, хотя, по множеству и трудности мірскихъ занятій, не могъ всецѣло свои намѣренія, желанія и дѣйствія направить единственно къ умноженію славы Божіей, по мнѣ, какъ христіанина, съ давняго времени занимало желаніе, постоянно болѣе и болѣе усиливающееся, быть полезнымъ матери нашей святой соборной, апостольской Церкви. Я размышлялъ, вникалъ, соображалъ: какіе бы найти самыя дѣйствительныя способы и средства, чтобы Церковь нашу, находящуюся нынѣ въ упадкѣ, обнищаніи и разстройствѣ, снова привести въ прежнее, цвѣтущее состояніе» (1). Посмотримъ же, какъ осуществлялись эти мысли въ самой дѣятельности князя во благо Церкви; въ связи съ обстоятельствами того времени, съ состояніемъ Церкви православной, постараемся показать, насколько и какъ понималъ князь нужды

(1) Акт. Зап. Росс. т. 4. № 45.

своего времени, въ какой мѣрѣ удовлетво-
рялъ имъ.

Разбирая историческія свидѣтельства, до-
шедшія до нашего времени изъ второй поло-
вины XVI вѣка, легко можемъ усмотрѣть, что
главною причиною разстройства православной
русской Церкви въ то время былъ всеобщій
и сильный упадокъ духовнаго просвѣщенія у
русскихъ. Какъ въ Руси сѣверо-восточной
иго монгольское, такъ въ юго-западной—по-
литическія смуты, въ слѣдствіе близкаго
сосѣдства поляковъ, венгровъ, литвы, ту-
рокъ, постоянныя внутреннія неустрой-
ства и междоусобія, продолжавшіяся даже въ
половинѣ XVI вѣка, стѣснили и подавили
то живое, благодѣтельное для внутрен-
ней жизни народа, стремленіе къ обра-
зованію, которымъ ознаменовался первый
періодъ исторіи русской Церкви (1). Къ
этому присоединилось еще особенное обстоя-

(1) Образованные люди XVI вѣка въ политиче-
скихъ неустройствахъ югозападной Руси видѣли гла-
вную причину упадка духовнаго просвѣщенія. Такъ
напр. см. Акт. З. Р. т. 4, стр. 204. О самоволь-
ствахъ, грабежахъ, и междоусобіяхъ, какіе произво-
дили поляки въ православныхъ областяхъ югозапа-
дной Руси въ началѣ и половинѣ XVI вѣка, см. Акт.
З. Р. т. 3, стр. 64, 66 и 98.

тельство. Юго-западная Русь издавна открыта была прозелитизму латинскаго духовенства. Желая поколебать въ русской землѣ самыя основанія Православія, латинскіе миссіонеры усиливались лишить русскихъ всѣхъ способовъ къ образованію:—стали похищать, скрывать и истреблять церковныя книги, находившіяся въ народномъ употребленіи ⁽¹⁾. Не удивительно, если въ православныхъ юго-западныхъ областяхъ, въ разсматриваемое нами время, чувствовался крайній недостатокъ книжный, на который такъ сильно жаловался князь Курбскій ⁽²⁾,—если грамотность и самая любовь къ образованію въ русскомъ народѣ погасли. Изъ самихъ русскихъ никто не заботился поддерживать народное образованіе. Тогдашнее общество еще не созрѣло до той мысли, чтобы пони-

(1) Вотъ что говоритъ писатель Перестороги: «у самомъ Краковѣ коруниомъ и въ костелахъ римскихъ книгъ словенскихъ великими склепами знайдешъ замкненныхъ, которыхъ на свѣтъ не выпустятъ. Также есть и во Львовѣ у мниховъ доминикановъ склепъ великій кнѣвъ нашихъ словенскихъ учительныхъ до купы (кучи) знесенныхъ, по збуренью и осяменью панства русскаго (поляками). Акт. З. Р. т. 4, стр. 204.

(2) Не только въ употребленіи народномъ, но даже и вовсе въ переводахъ онъ не находилъ и десятой части твореній вселенскихъ учителей. (Сказ. Курб. 2, 165. Опис. Рум. муз. стр. 242).

мать образованіе какъ дѣло общее, для всѣхъ необходимое. Образованіе было доступно только для того, кто имѣлъ средства, слѣдовательно достигалось лицами частными, усиліями разобщенными. Притомъ и у этихъ людей оно не выходило изъ круга домашнихъ занятій, состояло болѣе въ простой начитанности, чѣмъ въ пріобрѣтеніи свѣдѣній полныхъ, систематическихъ. Понятно, почему, при господствѣ такого взгляда на образованіе, и люди состоятельные, обладавшіе средствами удовлетворить не только собственной любви къ просвѣщенію, но и распространять, поддерживать его въ народъ, не обращали на это дѣло никакого вниманія, и даже не считали своею обязанностію заботиться въ этомъ отношеніи о другихъ. Русское дворянство, чтобы получить образованіе, выходившее изъ предѣловъ умѣнья читать и писать, обыкновенно отправлялось въ то время въ заграничныя или польскія школы. Тамъ, забывая часто вѣру, языкъ и обычаи отцовъ своихъ, оно возвращалось домой еще съ большимъ забвеніемъ о нуждахъ народа, еще съ большимъ невниманіемъ, чѣмъ прежде, къ его состоянію. Между тѣмъ и русское духовенство, на которомъ ближайшимъ образомъ лежала обязанность заботиться о духовномъ просвѣщеніи народа, мало помалу потеряло сознаніе этого священнаго долга и силы къ

его исполненію ⁽¹⁾. Причины заключались, съ одной стороны, во вліяніи на дѣла православной Церкви иновѣрнаго—польскаго правительства, которое, усвоивъ себѣ право избирать и утверждать кандидатовъ на высшія іерархическія мѣста, пользовалось этимъ правомъ, не

(1) Какъ во второй половинѣ XVI вѣка упало просвѣщеніе въ самомъ духовенствѣ русскомъ, свидѣтельствуешь Курбскій, современникъ князя Острожскаго: «подана намъ книга, писалъ онъ, въ помощь отъ святыхъ горы, яко самую рукою Божіею принесена, простоты ради и глубокаго неискущества церковниковъ русскихъ церквей (Сказ. 2, 177). Нынѣшняго вѣку учителя, больше въ болгарскіе басни, а бо паче въ бабскіе бредни упражняются, прочитають и похваляютъ ихъ, нежели въ великихъ учителяхъ наслаждаются». (Оп. Рум. муз. стр. 242). Когда Курбскій обратился, между прочимъ, къ русскому духовенству за помощію ему въ трудахъ распространенія грамотности въ народѣ, то, говорятъ, «сѣмо и овамо обращаяся, помощи никакое обрѣтохъ. Аще и елици обрѣтохъ мниховъ и мірскихъ, не восхотѣша помощи ми. Мниси отрекошася уничижающася непохвальне, не глаголю лицемѣрне или лѣностне отъ того достохвальнаго дѣла». Если не по лѣности и лицемѣрїю духовенство отрекалось помогать Курбскому, то чѣмъ объяснить это уклоненіе отъ полезнаго труда, прибѣгавшее, для собственнаго извиненія, къ непохвалному самоуниженію, какъ не невольнымъ признаніемъ полной неспособности къ труду?

обращая никакого вниманія на нравственныя и умственныя качества лицъ избираемыхъ, и на то, могли ли они бытъ полезны для Церкви. Въ слѣдствіе этого, по свидѣтельству современника, «на митрополичьи и епископскія престолы посаждахуся не изъ монастырей, добръ въ законѣмъ житіи процвѣтшіи, но абіе отъ суетныхъ господей, или земледѣльствъ, или служителей воинскихъ, въ воздаяніе службы ихъ, къ тому—*неуки, простаки, во святомъ писаніи не свидѣтельствованни*» (1). Съ другой стороны, не менѣе польскаго правительства самовластно и неразумно распоряжались низшимъ духовенствомъ въ своихъ помѣстьяхъ русскіе помѣщики. Не говоря уже о томъ, что они постоянно вмѣшивались въ дѣла церковныя съ своимъ произволомъ, часто распоряжались они низшимъ духовенствомъ какъ хотѣли: предавали суду и изгоняли тѣхъ, кто имъ не нравился, опредѣляли людей по своему выбору (2).—Особенно, равнодушіе,

(1) Книга о вѣрѣ, л. 205 на об. Это зло въ православной Церкви чувствовалъ митрополитъ кievскій Іона и проеилъ въ 1568 году короля польскаго на раздавать духовныхъ должностей людямъ свѣтскимъ (Акт. З. Р. 3, № 46). Но зло осталось и послѣ.

(2) См. Акт. З. Р. т. 2, № 109, 230. Срав. т. 3, № 146.

верѣдко пренебреженіе къ Православію, а часто и отступничество отъ него, выносимыя людьми высшихъ сословіи изъ иновѣрныхъ школъ, располагали ихъ презирать и православное духовенство. Никто изъ людей болѣе или менѣе значительныхъ, образованныхъ, не хотѣлъ принадлежать къ этому званію, и вотъ, наконецъ, «къ такому безчестію святое пресвитерское достоинство пришло бѣше, яко на оно челоуѣку доброму потягнути, яко на мірскую какову хулу поступити бѣше, отколѣ до него, *едини точію гладни и неучени наполнилися*» (1). Понятно, чего можно было ожидать отъ такого духовенства для успѣховъ духовнаго просвѣщенія. И тѣ книги, говоритъ

(1) Книга о вѣрѣ, стр. 206. Авторъ Перестороги, сказавъ о томъ, какъ русскіе дворяне возвращались изъ иновѣрныхъ школъ съ измѣною вѣрѣ, языку и обычаямъ своимъ, прибавляетъ: «а за тѣмъ Православіе греческое у взгорду (въ презрѣніе) пришло и въ занедбаніе (пренебреженіе): бо тежъ зацныхъ становъ (высшихъ сословіи) особы, погордѣвши (пренебрегши) своимъ Православіемъ, до врядовъ (должностей) духовныхъ, приходити перестали, а ле леядкого на нихъ вставляли, къ воли только самому посполитому челоуѣкови... За чимъ *по благообразныхъ и подежжныхъ мужехъ льнивые и недобрые настали и такъ за ними порядки церковные у забвѣніе пришли*». (Акт. З. Р. 4, стр. 205).

современникъ, которыя еще оставались (послѣ разграбленія латинами) при этомъ духовенствѣ, *покрылись пылью*». Не говоря уже о томъ, что ни переводы книгъ, ни самостоятельные труды въ пользу духовнаго просвѣщенія не были предпринимаемы, даже церковно-богослужебныя книги, находящіяся въ постоянномъ употребленіи, подвергались крайней порчѣ, и никто почти не обращалъ на это вниманія ⁽¹⁾. А многіе даже такъ мало понимали нужду и значеніе истиннаго образованія, что не только сами читали, но и въ другихъ под-

(1) Курбскій жаловался, что попадавшіяся ему книги были *въ конецъ испорчены отъ переписующихъ* (Обзор. руз. д. лвт. пр. Ф. 141). Позднѣе другой писалъ: «воззри убо аще не лѣностенъ еси, обрящеши ли здѣ правъ написанную въ церквахъ святыхъ книгу? Обрящеши ли чинопослѣдованіе по указанному святыхъ отецъ възаконенію? Обрящеши ли судъ и отищеніе въ вещахъ церковныхъ, или стронителя и начальника, правѣ неправяюща слово истинны? Не видѣхъ ни по единомуже при церкви Божественной исправляющаго и поборающаго по словеси истинны вина же сицевымъ никтоже, *точію нераднѣе наше*» (Опис. Рум. муз. стр. 316). Если такъ было на югѣ въ началѣ XVII столѣтія, послѣ собора въ 1590 году, на которомъ обращено было отчасти вниманіе на порчу и исправленіе книгъ, то что сказать о состояніи церковнаго чина и богослуженія ранѣе, напр. во времена Курбскаго?

держивали предразсудки противъ всякихъ попытокъ къ образованію. «Съ прещеніемъ заповѣдуютъ, писалъ Курбскій, глаголюще: не читайте книгъ, и указуютъ на тѣхъ, кто съ ума изступилъ и онсица въ книгахъ зашолся, а онсица въ ересь впалъ. О, бѣда! отъ чего бѣсы бѣгаютъ, сіе оружіе они отъемлютъ» (1). Другіе, напротивъ, изъ числа тѣхъ, которые «приникши закону Господню утро, въ вечеръ любили зваться уже учителями», терпѣть не могли, когда кто возвышалъ свой голосъ на обличеніе ихъ неразумія и невѣжества (2). Люди самыя благонамѣренныя, дѣйствовавшіе въ видахъ истинной пользы для Церкви и народа, или не находили себѣ сочувствія въ другихъ, или не видѣли иной возможности достигать своихъ цѣлей, какъ только ограниченными, частными средствами, или же, съ большею опасностію для вѣры и народности, обращаться за образованіемъ въ иновѣрныя и иноземныя школы (3). Особенно сильно отразился упадокъ

(1) Обзор. рус. дух. лит. пр. Филар. 141.

(2) См. предисл. къ Острож. библ. Смотрицкаго и въ книгѣ пресвитера Василя, Сол. рук. № 603, стр. 301.

(3) Вспомнимъ Курбскаго (см. выше пр. на стр. 380).— Для того, чтобы подарить русскому народу въ переводѣ творенія св. отцевъ, онъ долженъ былъ въ

образованія въ общей жизни народа. При сильномъ вліяніи на жизнь югозападной Руси Польши и Литвы, иностраннаго образованія и новѣрныхъ понятій, русскій народный языкъ началъ портиться и падать. Тѣмъ болѣе должно было слабѣть знаніе и употребленіе языка церковно-славянскаго. Ухо народа начинало уже отвыкать отъ языка церкви и боголуженія; языкъ письменности церковной становился непонятнымъ (1). А общее равнодушіе и недостатокъ средствъ къ образованію, забвеніе и

глубокой старости изучать латинскій языкъ. «Набывая людей для пособія себѣ», онъ умолилъ князя Оболенскаго отправиться «для наукъ высшихъ» въ Краковъ, а потомъ въ Италію. Зналъ Курбскій, какъ въ іезуитскихъ польскихъ училищахъ перекрещивали въ латинство православныхъ дѣтей; но какъ, кромѣ этихъ училищъ, совершенно негдѣ было получить нужное образованіе, то, по необходимости, называлъ онъ, напр. намѣреніе княгини Чарторыйской отдать въ виленскую школу своего сына, *умышленіемъ похвальнымъ*.

(1) Когда Курбскій, исправляя книжный недостатокъ на Руси, самъ перевелъ бесѣду Златоуста «на вождѣлѣнный и любимый праотецъ своихъ языкъ славянскій», и послалъ ее къ князю Острожскому, тотъ нашелъ нужнымъ «*льпшаю (лучшаю) ради выразумльня*» переложить ее съ славянскаго языка на польскій (Сказ. Курб. стр. 158-159). При обзорѣни въ 1592 г. львовской церкви, митрополитъ Рагоза нашелъ въ ней, что ученіе святыхъ писаній зѣло ос-

непониманіе языка церкви дѣлали для народа мертвыми и истины, хранимыя Церковію. Въ хvi вѣкѣ слышимъ частыя жалобы, что народъ не уважалъ таинствъ церковныхъ, уклонялся отъ ихъ совершенія, любилъ болѣе грубыя суевѣрія, чѣмъ жизнь по требованіямъ Церкви (1). Не удивительно, если и быстро распространившіяся въ то время изъ Польши и Литвы западныя ереси увлекали многихъ изъ православныхъ. Ереси имѣли у себяiskusныхъ и образованныхъ проповѣдниковъ, «сильныхъ въ священномъ Писаніи» (2). Под-

кудѣ, паче же словенскаго, російскаго языка и вси чловѣцы проложишася прстоуму, несовершенному людскому писанію и сего ради въ различныя ереси впадоша, невѣдуще въ богословіи силы совершеннаго грамматическаго словенскаго языка (Акт. З. Р. 4, № 32). Какъ сильно ослабѣло въ то время на югѣ Руси знаніе церк. языка, видно уже изъ частыхъ попытокъ предлагать книги съ церковно-славянскаго языка на польско-русскій. Таковы труды Скорины, пересопницкаго архим. Григорія, гражданъ львовскихъ.

(1) Акт. З. Р. т. 2, №№ 51. 77. т. 4. стр. 30. №№ 25. 29. Hist. Russ. M. I. p. 127.

(2) Сказ. Курб. 2, 179. Уже Курбскій видѣлъ, что въ то время, «мало не вся Волинь заразилась и ненсцѣльнѣ болить скверными догматы подущаема» (тамже стр. 224). Не вѣмъ, аще кому нѣсть лавно, писалъ Смотрицкій въ 1580 г., яко въ настоящее се время послѣднее, по грѣхомъ нераднѣи и

ложныя, еретическія сочиненія распро­странялись въ народъ и легко пріобрѣтали себѣ рас­положеніе и вѣру, тогда какъ творенія пра­вославныхъ отцевъ и учителей Церкви, или вовсе оставались неизвѣстными народу, или, если и встрѣчались, были оставляемы безъ вниманія, читаемы неохотно, безъ усердія (1). Въ духовной жизни народа было замѣтно ка­кое-то нравственное расслабленіе, душевное изнеможеніе. Курбскій выразительно называлъ это состояніе пиянствомъ—состояніемъ само-

ненаказанія нашего разгорѣся великъ пламень зло­хитрыхъ и многоглавныхъ ересей (См. предисл. къ Острож. библ.). Въ нынѣшнее многомятежное и пла­чу достойное время, писалъ пресвитеръ острожскій, зримъ Церковь Христову отвсюду различныхъ вѣт­ровъ колеблему и многихъ изъ насъ, расслабленныхъ душами и нетвердыхъ вѣрою въ прелести зловѣрія уклоняющихся» (Солов. рук. № 603. стр. 221. 262 наоб. и 266).

(1) «Противлюся лже­словесникомъ, писалъ Курб­скій, преобразующимся въ истовые лжеучители, и пишуть повѣсть противъ евангельскихъ словесъ и имена своя скрываютъ, да не обличени будутъ и под­пишуть ихъ на святыхъ имена, да удобно ихъ писаніе приѣмлютъ простыми и ненаученными». Горько было видѣть Курбскому, что сочиненіями св. учителей чуждые наслаждаются, а чада православ­ной Церкви—*глаголютъ духовнымъ избнудъ на свои зряще.*

забвенія, небреженія, и говорилъ, что его современники лежали простерты (какъ-бы безъ движенія) въ этомъ пѣнствѣ, и что оно было явленіемъ давно обыкновеннымъ ⁽¹⁾. Такимъ образомъ, жители православной, югозападной Руси, «ненаученія и пренебреженія ради закона Божія, оскудѣли всѣми благами», какъ говорилъ патріархъ Іоакимъ, лично видѣвшій состояніе Руси въ 1586 году ⁽²⁾.

Въ такомъ-то состояніи находилось духовное просвѣщеніе въ русскомъ народѣ, когда князь Острожскій выступилъ на поприще дѣятельности церковной. Вредныя слѣдствія для Церкви отъ упадка просвѣщенія не могли укрыться отъ его взора. «Не отъ чего иного, писалъ благочестивый князь, размножилось между людьми такое лѣнивство, оспалство (сонливость) и отступленіе отъ вѣры, яко наибольшей отъ того, ижъ устали учителя (нѣтъ учителей), устали проповѣдчи слова Божого, устали науки, устали казанья (проповѣди), а за тымъ наступило обнищанье и уменьшенье хвалы Божое въ церкви Его, наступилъ голодъ слуханья слова Божого, наступило отступленье отъ вѣры и закону» ⁽³⁾. При такомъ

(1) Сказ. Курб. 2, 179.

(2) Акт. 3. Р. т. 3. № 157.

(3) Акт. 3. Р. т. 4. стр. 65.

взглядъ на дѣло, естественно было благочестивому князю обратить прежде всего вниманіе на средства къ поддержанію въ народѣ духовнаго просвѣщенія. И великая заслуга его состоитъ въ томъ, что онъ *первый изъ всѣхъ* взялся тогда за это трудное дѣло. Безъ сомнѣнія, сильно поддерживалъ его въ этомъ намѣреніи и другъ его—ревнитель православія князь Курбскій (1). Если Курбскій производилъ упадокъ книжнаго образованія въ русскомъ народѣ *отъ лѣности и нерадѣнія владетелей русскихъ* (2), т. е. тѣхъ лицъ, которыя, пользуясь властію надъ народомъ, имѣли средства и должны были заботиться о его образованіи, то можно думать, съ какою силою настаивалъ онъ на этомъ предъ княземъ Острожскимъ, котораго богатство, вліяніе на православный народъ и важное государственное значеніе были хорошо извѣстны всѣмъ. Князья сошлись въ своихъ намѣреніяхъ и стремленіяхъ. Находясь въ постоянныхъ другъ съ другомъ сношеніяхъ, они совѣщались между собою, пересылались нисьмами и книгами. Книги, полу-

(1) Въ письмахъ къ Острожскому князю, Курбскій называя себя вѣрнымъ слугою его, братомъ и пріятелемъ присяжнымъ, выражается такъ: понеже аѣло люблю тя... (Сказ. Курб. 2, 216. 224).

(2) Опис. Рум. муз. стр. 242.

чаемыя отъ Курбскаго и отъ другихъ лицъ, князь Константинъ старался немедленно распространять въ народъ посредствомъ переводовъ съ церковно-славянскаго языка на польскій или посредствомъ списыванія (1). Но онъ скоро могъ увидѣть, какъ мало приносятъ пользы эти частныя мѣры. Чтобы поднять образованіе въ народъ, надобно было заводить школы. Князь охотно сталъ жертвовать и для этого своими средствами (2). Такъ еще въ 1572 году онъ отдалъ принадлежавшую ему

(1) Такъ князь Острожскій отдалъ для перевода на польскій языкъ присланную ему Курбскимъ бесѣду св. Златоуста. Онъ же далъ на перепись типографщику Михаилу Гарабурдѣ и Курбскому присланную еще съ Авона книгу (Сказ. Курб. 2, 158. 178).

(2) Князь Острожскій первый приступилъ къ заведенію школъ народныхъ. «То вельми много зашкодило (повредило) панству русскому, писалъ современникъ князя о временахъ до открытія училища въ Острогѣ, же не могли школы и науки посполитыхъ расширять и ихъ не фундовано: би коли были бы науку мѣли, тогда за невѣдомостію своею не пришла до таковыя погибели. (Акт. З. Р. т. 4. стр. 204). Школъ посполитыхъ (общенародныхъ) вовсе не было. Но при церквахъ, вѣроятно, воспитывались человекъ по два или по три, въ помощь духовенству (тамже № 48. стр. 69). Но это воспитаніе, конечно, ничего не приносило учившемуся, кромѣ умѣнья читать и писать.

въ Туровѣ землю Димитрію Митуричу съ условіемъ «школу тамъ держати» (1). Но это была школа низшая, только для первоначальнаго обученія. Естественно, что она не могла удовлетворить потребностямъ времени. Главною цѣлю, которую имѣлъ князь, заботясь о заведеніи школы, было «православную вѣру утвердити». А для этого нужно было, судя по состоянію тогдашняго преевѣщенія въ русскомъ народѣ, не только вообще поддерживать грамотность въ народѣ, но и распространить въ немъ необходимыя для руководства въ вѣрѣ и жизни книги, сочиненія св. отцевъ и учителей Церкви, исправить книги, находившіяся въ употребленіи, но испорченныя отъ времени, наконецъ образовать духовенство и достойныхъ поборниковъ Православія для борьбы съ сильными и искусными проповѣдниками разныхъ еретическихъ ученій. Чтобы достигнуть этихъ цѣлей, князь рѣшился завести при себѣ, въ самомъ Острогѣ, высшую школу. Чтобы взяться за такое дѣло въ то время, когда на Руси не было и примѣровъ подобныхъ школъ, не было почти и людей, которые бы вполне постигали нужду лучшаго образованія, чѣмъ то, какое было доселѣ, и знали бы, какъ и съ

(1) Олвс. Р. м. стр. 127.

какой стороны приступить къ дѣлу,—нужно было много благоразумія и рѣшительности. Князь Константинъ избралъ самый лучший и вѣрный путь. Прежде всего онъ обратился къ константинопольскому патріарху, и такъ какъ въ Россіи нельзя было найти ни искусныхъ, опытныхъ учителей, ни книгъ, то извѣщая патріарха о предпринятомъ имъ намѣреніи—основать школу, князь просилъ выслать ему изъ Греціи способныхъ учителей и обѣщалъ совершенно обезпечить ихъ во всемъ ⁽¹⁾. Патріархъ съ радостію благословилъ благое намѣреніе князя. Школа открылась около 1580 года и получила названіе Острожской Академіи ⁽²⁾.

(1) «И на первѣй старался у святѣйшаго патріарха, абы ся здѣ дидаскаловъ ко размноженью наукъ вѣрѣ православной послалъ, а онъ на то маестностями своими ратовати готовъ и доложенъя вхъ на то не жалуеть» (Акт. Зап. Р. т. 4. стр. 206).

(2) Это названіе находимъ на нѣкоторыхъ острожскихъ изданіяхъ; напр. на книгѣ «Календарь римски новы». Впрочемъ, вѣроятно, что названіе академіи не было усвоено острожскому училищу такъ же, какъ напр. краковской академіи, или іезуитской виленской, потому что на другихъ острожскихъ изданіяхъ видимъ: *школа кирецкая у Острогу* (на «отписѣ» Ипатію). Во всякомъ случаѣ въ названіи академіи выразилось желаніе князя видѣть въ своемъ училищѣ высшее учебное заведеніе.

КНЯЗЬ КОНСТАНТИНЪ (ВАСИЛІЙ)

ОСТРОЖСКІЙ.

(окончаніе)

Подробныхъ свѣдѣній о внутреннемъ составѣ острожской академіи, о порядкѣ преподаванія въ ней, о распредѣленіи занятій, мы не имѣемъ. Но, принимая во вниманіе, что острожское училище послужило образцемъ, по которому стали устроиться въ послѣдствіи школы при братствахъ, что, какъ тамъ, такъ и здѣсь все устройство и внутренній составъ училищный были опредѣляемы и устанавливаемы православными греками, можемъ думать, что и въ острожскомъ училищѣ преподавались тѣже предметы и въ томъ же объемѣ, какъ видимъ это въ послѣдствіи въ школахъ югозападныхъ братствъ. Въ Острогѣ учили, безъ сомнѣнія, не только чтенію, пѣнію, письму, языкамъ: русскому, греческому, латинскому и польскому, разумѣнію ученія православной вѣры, но и тому, что Курбскій называлъ

«науками вызволенными» (*artes liberales*), т. е. грамматикъ, діалектикъ, реторикъ и пр. ⁽¹⁾. Мало того,—князь, какъ училище острожское, такъ и вообще всѣ православныя русскія училища старался поставить на ту же степень процвѣтанія, на которой находились тогда лучшія училища иноземныя, ввести въ нихъ тотъ же порядокъ, тоже распредѣленіе занятій, съ очевидною цѣлію—сравнять образованіе русскихъ съ образованіемъ иновѣрцевъ, и чрезъ это дать полное торжество Православію ⁽²⁾. До какой степени успѣлъ онъ въ этомъ, по крайней мѣрѣ, относительно острожскаго училища, показываетъ то, что въ школу острожскую стекались для образованія во

(1) Слич. Грам. въ Акт. З. Р. т. 3, № 157; т. 4, №№ 18 и 24.

(2) Замѣчательно, какъ лукаво, въ 1595 году, Ипатій Поцѣй, рѣшительно уже задумавшій объ униі, съ притворною ревностію о Православіи осуждалъ князя, указывавшаго ему на порядки иновѣрцевъ въ образованіи: «а што ми, ваша милость, *рачишь гальцати* (стараешься выставить на видъ) *порядокъ иновѣрцевъ—хотя бы былъ нальпшій*, коли не на правомъ фундаментѣ, все то заслестье стоитъ и *школы мѣхъ, и друкарни и множество кознопдѣевъ*... Отожь яко самъ о нихъ не *благоволю(!)*, такъ и вашу милость перестерегаю» (Акт. З. Р. IV, 89, 90). Болѣе безсовѣстнаго перетолкованія словъ князя въ дурную сторону нельзя было и сдѣлать.

множество юношество не только изъ простыхъ, низшихъ классовъ народа, но изъ высшихъ. Слѣдовательно, острожское училище могло удовлетворять и потребностямъ того высшаго образованія, какова тогдашнее русское дворянство искало въ иностранныхъ школахъ ⁽¹⁾. Недостатка въ учебныхъ пособіяхъ и книгахъ въ этомъ училищѣ не было. Сочиненія одного изъ членовъ острожской академіи пресвитера Василя показываютъ, что онъ имѣлъ уже подъ руками не только богатое собраніе твореній отцевъ и учителей вселенской Церкви, но и сочиненія многихъ западныхъ и польскихъ писателей ⁽²⁾. Учителями въ Острогѣ были большею частию греки. Тамъ они явля-

(1) Вотъ что писалъ объ острожскомъ училищѣ одинъ изъ унитскихъ епископовъ: *is (князь Острожскій) zelum vel maximum ruthenici schismatis tenuit conservandi. Inde Ostrogiae liberali effuso aëre non slavonicae duntaxat linguae, sed graecarum juxta et latinarum artium erexit polaestrum, in qua ruthenam multum, qua nobilem, qua plebejam aluit juventutem* (см. *Geschichte der Refor. Kirch. in Lith. von Lukaschew. 1848. стр. 49. 54*).

(2) См. рук. Солов. библ. № 603. л. 83. 165. 188. 224 и пр.

ются уже при самомъ началѣ (1). Ихъ не трудно было найти въ то время на югозападѣ Россіи (2). Но князь, открывъ постоянныя сношенія съ восточными патріархами по дѣламъ вѣры, безъ сомнѣнія просилъ у нихъ учителей самыхъ лучшихъ и образованныхъ. Этимъ заботамъ князя острожское училище было обязано тѣмъ, что имѣло у себя учителями иногда людей, ученостию и образованіемъ которыхъ могла въ то время славиться самая Греція. Такъ александрійскій патріархъ Мелетій присылалъ въ острожское училище своего родственника и экзарха александрійскаго престола Кирилла Лукаря, человека образованнѣйшаго въ свое время, воспитывавшагося въ западныхъ университетахъ и много путешествовавшаго по Европѣ для обогащенія себя познаніями. Лукарь былъ нѣсколько времени ректоромъ острожскаго училища. Отъ патріарха цареградскаго, въ качествѣ экзарха и учителя

(1) Какъ это видно изъ изданія острожской библіи въ 1580 году, гдѣ предисловіе князя переведено на греческій языкъ.

(2) Грековъ было тогда такъ много на югозападѣ Россіи, что патріархъ Іеремія даже воспретилъ въ 1589 году греческому духовенству въѣзжать въ русско-литовскія и польскія области (Акт. З. Р. IV, № 20), для устраниенія разныхъ безпорядковъ.

лось тамъ образованіе, вызванное нуждами времени; такъ, хорошо направленное, было оно плодотворно и успѣшно! Съ замѣчательнымъ успѣхомъ продолжала острожская школа свое дѣло на пользу Церкви и русскаго народа и въ XVII вѣкѣ, привлекая къ себѣ и образуя въ большемъ числѣ юношество изъ всѣхъ классовъ народа (1).

Изъ ревнителѣй Православія, по происхожденію русскіихъ, которыхъ образовало острожское училище, или которые способствовали его успѣхамъ, извѣстны: Герасимъ Смотрицкій, пресвитеръ Василій, пресвитеръ Даміанъ, Стефанъ Зизаній, Леонтій Карновичъ, Мелетій Смотрицкій—до отпаденія въ унию ревностнѣйшій поборникъ Православія. Ученые труды ихъ, принесшіе много пользы Православію, извѣстны (2). Но кромѣ лицъ, жившихъ въ Ост-

Р. М). Такъ какъ Поссевинъ въ сочиненіи, изъ котораго приведено это мѣсто, не упоминаетъ о дѣятвїяхъ другихъ русскіихъ югозападныхъ школъ, то надобно относить его отзывъ къ первымъ годамъ существованія острожскаго училища, когда въ немъ только Православіе находило себѣ опору.

(1) См. выше прим. 1-е на стр. 538; также Обзоръ русс. дух. лит. преосв. Фил. стр. 153.

(2) Обзоръ русс. дух. лит. преосв. Фил. статьи: 154. 155. 156. 160. 165.

рогъ, или принадлежавшихъ къ составу тамошняго училища, князь Константинъ призывалъ иногда къ ученымъ трудамъ и другія лица, не находившіяся съ нимъ въ прямыхъ сношеніяхъ, коль скоро замѣчалъ, что они болѣе другихъ способны исполнить его намѣреніе Щедрая награда ожидала ревностнаго исполнителя благочестивыхъ намѣреній князя. Такъ, знаемъ, что, по порученію князя, нѣкто Христофоръ Бронскій, русскій инокъ, подвижникъ аѳонскій, написалъ книгу Апокризисъ, или опроверженіе обороны брестскаго собора, сочиненной Ипатіемъ Поцѣмъ. Князь, ревностно борвшійся противъ уніи, не ошибся въ выборѣ чловѣка для столь важнаго труда. Сочиненіе вышло превосходное и сочинитель получилъ въ награду отъ князя маестность ⁽¹⁾. Іовъ Борецкій, «мужъ благочестивый и премудрый, въ божественномъ писаніи искусный, греческій и латинскій языки добръ умѣвый», воспитанникъ львовской школы, а потомъ священникъ кіевскій, по порученію князя Острожскаго переводилъ съ греческаго языка посланіе александрійскаго патріарха Мелетія къ отступнику Ипатію Поцѣю и діалогъ тогоже патріарха о православной вѣрѣ ⁽²⁾.

(1) Тамже, ст. 157.

(2) Тамже, ст. 163.

Впрочемъ, какъ ни богатъ былъ средствами князь Острожскій, сколь ни дѣятельно заботился онъ о поддержаніи и успѣхахъ острожскаго училища, при тогдашнихъ смутныхъ обстоятельствахъ случилось, что и острожское училище оскудѣвало въ необходимыхъ дѣятеляхъ—добрыхъ и искусныхъ учителяхъ (1). Очевидно, что для исполненія мысли князя—удовлетворить потребностямъ образованія не нѣсколькихъ лицъ, а цѣлаго народа, труды одного училища не могли быть достаточными. Посему-то князь, въ видахъ дать Православію болѣе крѣпкую и сильную опору, не въ Острогѣ только, но и въ другихъ мѣстахъ заводилъ и поддерживалъ православныя училища. Кромѣ школы въ Туровѣ, онъ основалъ еще въ 1388 году школу въ Кіевѣ, испросивъ на то благословеніе у проѣзжавшаго тогда по Россіи цареградскаго патріарха Іереміи. Особеннымъ покровительствомъ князя пользовалась также и львовская братская школа, по

(1) Въ декабрѣ 1592 года князь, поручая попеченіямъ львовскаго братства сына своего Александра, писалъ: «помощи и ратунку въ подтверженіи вѣры его отъ насъ мѣти не можетъ *скудости ради учителей, безъ нихъ же и сами глады страждемъ...* у васъ большей обрѣтается (см. О правосл. церков. братств. Флорова. стр. 118, прим.).

сдѣлать предметомъ общихъ попеченій, всей Церкви. Въ письмахъ своихъ къ высшимъ русскимъ іерархамъ онъ настаивалъ, чтобы на образованіе народа было обращено самое строгое вниманіе, были придумываемы и немедленно приводимы въ дѣло мѣры рѣшительныя и вѣрныя. Для этого онъ просилъ высшее русское духовенство сдѣлать народное образованіе предметомъ общихъ разсужденій на соборахъ, которые ежегодно составлялись въ Брестѣ. Къ сожалѣнію, благодѣтельныя и мудрыя намѣренія князя не находили себѣ полного сочувствія въ высшемъ духовенствѣ юго-западной Россіи. Уже съ 1588 года, т. е. съ того самого времени, какъ въ проѣздѣ царградскаго патріарха Іереміи былъ низложенъ кіевскій митрополитъ Онисифоръ и на его мѣсто возведенъ Михаилъ Рагоза, высшее духовенство стало замышлять объ униі (1). Очевид-

(1) См. Акт. З. Р. т. IV, стр. 207—208. Особенно, впрочемъ, тщательно скрываемою до времени, ревностію объ униі, отличались наиболѣе приближенные къ князю Острожскому епископы: острожскій—Кнригль Терлецкій и владимірскій Ипатій. Они умѣли вести себя такъ, что дѣйствуя втайнѣ рѣшительно вопреки намѣреніямъ князя, разстроивая и смущая прочее духовенство, въ то же время обольщали князя своимъ наружнымъ благочестіемъ и ревностію о Пра-

но, что съ подобными намѣреніями духовенства совершенно были не согласны желанія князя утверждать и поддерживать посредствомъ образованія Православіе вопреки со дня на

вославіи. Какъ мало тогда и высшее духовенство понимало значеніе образованія для русскаго народа, и какъ, увлекаясь своими страстями, даже противодѣйствовало ему, показываетъ примѣръ львовскаго епископа Балобана. По личнымъ неудовольствіямъ на львовское братство, Балобанъ старался вслѣдствіи уничтожить братство и препятствовать его учрежденіямъ въ пользу православнаго просвѣщенія. Такъ въ одномъ городѣ Гедеонъ приказалъ бить мѣщанъ за то, что они приняли уставъ львовскаго братства и хотѣли завести у себя школу, и доказывалъ жителямъ, что иль, какъ *людямъ простымъ, науки не нужны*. Мѣщане возражали епископу, что *апостоль Павелъ повелѣваетъ учиться* (Жур. мнн. нар. пр. 1849 г. апр. отд. 2, стр. 19). Но Гедеона это не остановило. Не смотря на грамоту патриаршую, позволявшую открытіе во Львовѣ училища, и на прямое повелѣніе патриарха не мѣшавшая мѣстному епископу въ дѣла братства, Гедеонъ началъ преслѣдовать братство. Вооружая на училище шляхту и мѣщанъ, онъ въ тоже время проповѣдывалъ всѣмъ, что ученіе въ братской школѣ пустошно, растлѣнно, мало потребно, запрещалъ православнымъ отдавать своихъ дѣтей въ училище братское, слушать проповѣди братскихъ священниковъ и пр. (Акт. З. Р. т. IV, № 24). И все это дѣлалось со стороны епископа только по личному неудовольствію на братство.

съ перепорченныхъ книгъ жидовскихъ, но отъ 72 блаженныхъ и богомудрыхъ переводчиковъ», не на испорченномъ литовско-русскомъ языкѣ, но на вождедѣнномъ праотецъ своихъ языкѣ церковно-славянскомъ, который одинъ могъ, по его мнѣнію, передать всюду всѣ мысли и красоты священныхъ книгъ ⁽¹⁾. Благодѣтельному и сильному вліянію Курбскаго на князя Острожскаго мы должны приписать, кажется, частію ту рѣшительность и твердость, съ какими князь, послѣ долгихъ колебаній и сомнѣній, приступилъ наконецъ къ предварительнымъ трудамъ для изданія библіи, не смотря ни на какія препятствія. А препят-

(1) Сравнивая въ одномъ письмѣ къ князю Острожскому языкъ церковно-славянскій съ польскимъ, Курбскій пишетъ: «върь ми, ваша милость, если бы и немало ученыхъ сошлись словенска языка склоняюще чины грамотическіе и прелагающе въ польскую барбарію, изложити текстъ въ текстъ не возмогутъ, а не токмо словенскія, або грецкія бесѣды, аниже слюбимыя ихъ латинскія. Сенсъ быти нѣяко можетъ, но околичность слогней зѣло будетъ велика». Въ томъ же письмѣ церковно-славянскій языкъ называетъ языкомъ «вождедѣннымъ», и не иначе какъ на этотъ языкъ переводилъ Курбскій творенія отцевъ Церкви, хотя въ то же время сознавался, что это, при слабомъ знаніи имъ церковнаго языка, стоить ему большаго труда.

ствій было дѣйствительно много. Послушаемъ, какъ изображаетъ ихъ самъ благочестивый князь; «желаніемъ возревновахъ, пишетъ онъ, на дѣло сіе (изданіе библіи) и разумѣхъ яко се не бысть отъ плоти, ни отъ крови, яко въ похвалу плотскую, но благодатию и чловѣколюбіемъ Божиимъ... *Обаче ни дѣла зачати, ниже дѣлателей еже творити на сіе избрѣтохомъ. Ибо книжъ глаголемыхъ вивлія въ изводъ сею дѣла начальствомъ (сначала) не имьхомъ...* и во всѣхъ странахъ роду нашего языка словенскаго ниже една обрѣтесе совершенна во всѣхъ книгахъ ветхаго завѣта .. токмо отъ благочестива и въ Православіи изрядна сіятельна государя и великого князя Іоанна Васильевича московскаго съ прилежнымъ моленіемъ непрошенную сподобихомся пріяти съвершенную библію ..сего ради посланъ ми и писанъ ми своими много странъ далекихъ вселенныя проходя, яко римскія предѣлы и кандійскія острова, паче же много монастырей грецкихъ, сербскихъ и болгарскихъ, даже и до самого апостоломъ намѣстника и всея Церкви восточныя строенію чивонаачальника, пречестнаго Іеримія, архіепископа Константина града, — вселенныя патріарха, доидохъ, *требуя со тщаніемъ и моленіемъ прилежнымъ тако людей наказанныхъ въ писаніяхъ святыхъ еллинскихъ и словенскихъ, яко*

изводоу добръ исправленныхъ и порока всякаго кромь добръ свидѣтельствующихъ. И сицевымъ всемогущимъ Богомъ, по обычной своей благодати, сподобити мися благоизволи... Вовліи много избрѣтохомъ различныхъ писменъ и языковъ и сихъ слѣдованіемъ испытати повелѣхомъ, аще вси согласуются во всемъ божественномъ писаніи; и обрѣтется многоразлично не токмо разнствіа, но и развращенія, чесо ради велие смущеніе пріяхомъ. Къ сему же наважденіемъ некои противника всякому добру діавола много разорителей и хульниковъ ся преславныя и неизреченныя вещи показовашеса, помощниковъ же и зидателей велии мало» (1).

Такъ недостатокъ сотрудниковъ и помощниковъ, неимѣніе полныхъ списковъ библіи, нужда собирать ихъ въ отдаленныхъ краяхъ съ моленіемъ прилежнымъ, слышать ихъ и исправить многоразличныя разности и погрѣшности, прямое противоудѣіе святому дѣлу со стороны людей злонамѣренныхъ, — вотъ сколько трудностей долженъ былъ преодолѣть благочестивый князь, чтобы совершить свое благое предначинаніе! И когда ничто его не остановило, когда «вѣрою несумѣнною и умы-

(1) См. предисл. князя къ острожской библіи.

слово мужественнымъ емшися за дѣло подвигнути крѣпко потщалея», когда всѣ препятствія были преодолены и трудъ оконченъ, изданъ, тогда благочестивый князь справедливо, какъ послѣ великаго подвига, съ умилениемъ сердечнымъ воздалъ хвалу Богу всяческихъ: «Ты вѣси, Господи Боже мой, единъ свѣдый сердечная, яко въ твое пресвятое имя умыслихъ и начахъ сіе пречестное дѣло, егоже нынѣ твоего милосердіа благоволеніемъ и щедротами сподобихся видѣти съвершеніе. Сего ради благодарю и величаю твое пресвятое имя и преклоняю колѣнѣ мои, рудѣ vzdъвая... величеству же неизреченныя славы твояе сіе дѣло предлагаю». Справедливо князь видѣлъ въ своемъ трудѣ не одну только побѣду своихъ частныхъ усилій, но и особенное дѣйствіе милосердіа Божія ко всему роду славянскому. Всѣхъ православныхъ славянъ призывалъ онъ къ своему труду, увѣковѣчившему въ исторіи его имя, и служащему самымъ возвышеннымъ памятникомъ любви его къ русскому народу и самоотверженія въ пользу православной вѣры. «Вамъ о Христѣ избраннымъ прежде вѣкъ по предувѣдѣнію вѣчнаго Бога въ народѣ русскомъ сыномъ Церкви восточной и всѣмъ согласующимся языку словенскому и соединяющимся тойже Церкви Православію, братіи возлюбленной не точію еже по плоти, но и по духу святыни,

всѣмъ повсюду православнымъ съ любовію се возвѣщаю, яко благоволеніемъ, щедротами и челоувѣколюбіемъ Божиимъ сподобихся пачадо положить и съвершеніе видѣти дѣла сего честнаго и вся превосходящаго, еже вамъ нынѣ повсюду предлагаемо зрителю — книги обою завѣта».

Велики были препятствія для времени князя Острожскаго издать вполне совершенный и исправный текстъ библіи. Не удивительно, поэтому, если и послѣ предварительнаго сличенія по разнымъ спискамъ текста св. книгъ, мы встрѣчаемъ въ острожской библіи много недосмотровъ, погрѣшностей, неправильностей (1). Самъ издатель ея, понимая вполне важность совершеннаго имъ дѣла для всего славянскаго міра, въ тоже время не хотѣлъ видѣть въ своемъ трудѣ полнаго, безусловнаго совершенства. «Все, еже ми далъ еси, Боже мой, говорилъ благочестивый князь въ своей благодарственной молитвѣ, твое есть, якоже и азъ; и аще за немощь прегрѣшеній моихъ и мнѣ повинующихся дѣлателей недоумѣніемъ укратися, или приложися, или отмысися, самъ исправи своимъ благоволе-

(1) Истор. русс. Церкви преосв. Фил. III, § 13.

ніемъ, дѣйствомъ пресвятаго твоего Духа,—*тѣми, они же большихъ дарованій по достоянію своему отъ Тебе сподобишася*». Такъ напрасно наши мнимые ревнители старины хотятъ принимать за несомнѣнно истинный текстъ священно-библейскихъ книгъ только острожское изданіе, не хотятъ допустить и мысли, чтобы въ немъ возможны были исправленія, и считать эти исправленія законными. Кромѣ недостатка въ средствахъ и способныхъ людяхъ, много недосмотровъ было допущено въ острожской библии, безъ сомнѣнія, по той поспѣшности, съ какою желали издать ее, дабы удовлетворить настоятельнымъ нуждамъ того времени: «намъ подобаетъ явиться, писалъ Смотрицкій въ предисловіи къ библии, искуснымъ въ вѣрѣ и добродѣтеляхъ, по преданію церковному, видяще толикъ облажающъ насъ облакъ ругателей различныхъ и многохульныхъ супостатъ; достоинтъ намъ вся чувства очистивше и облекшеса во вся оружія Божія зрѣти и обращати тамо, откуда діаволь яко левъ рыкая приходитъ, искій Церковь Божию растерзати».

Кромѣ библии, изъ типографіи острожской вышло немало книгъ богослужбныхъ, правоучительныхъ и полемическихъ. Богослужебныхъ книгъ было напечатано сравнитель-

но менѣе, чѣмъ книгъ другаго содержанія ⁽¹⁾. Издавать ихъ не рѣшались въ то время, конечно, потому, что предварительно нужно было посвятить немало времени на ихъ исправленіе. А для этого не было ни охоты готовыхъ ни людей, ни средствъ. Изъ книгъ нравоучительныхъ извѣстны три изданія ⁽²⁾. Гораздо болѣе, сообразно нуждамъ времени, издано въ острожской типографіи сочиненій полемическихъ, имѣвшихъ цѣлю обличеніе современныхъ ересей и огражденіе отъ нихъ православною вѣрой. Здѣсь нельзя не замѣтить, что острожская типографія своими изданіями старалась отвѣчать на вопросы важнѣйшіе, болѣе другихъ волновавшіе современную ей жизнь. Такъ, нѣсколько сочиненій было издано въ опроверженіе латинскаго календаря, вскорѣ послѣ того, какъ папа и польское правительство вздумали вводить его и въ православныхъ областяхъ

(1) Вотъ острожскія изданія богослужебныхъ книгъ: 1) псалтырь и новый завѣтъ съ алфавитнымъ указателемъ къ послѣднему «скорѣйшаго ради обрѣтенія вещей нужнѣйшихъ» (1580 г.); 2) псалтырь слѣдованная; 3) часословъ (1598 г.); 4) тревникъ, 5) молитвословъ (1606 г.).

(2) Книга Василя великаго о постничествѣ (1594 г.), маргаритъ (1596 г.), патерикъ печерскій (1597 г.).

юга ⁽¹⁾. Ученія разныхъ неправославныхъ обществъ: протестантскихъ, жидовствующихъ, особенно же латинъ, наклонявшихъ тогда все свои дѣйствія къ достиженію единственной цѣли—уніи, находили себѣ также сильное и основательное обличеніе въ острожскихъ изданіяхъ. Острожскіе ученые въ издаваемыхъ ими сочиненіяхъ старались представить опроверженія не только на разные ложныя мнѣнія, которыя разсѣивали приверженцы латинства въ народѣ православномъ въ видахъ приготовить его къ уніи, но и на сочиненія иновѣрныхъ писателей въ защиту латинства ⁽²⁾. Ког-

(1) По этому предмету изданы 1) (въ 1584 г.) посланія царградскаго патріарха Іереміа въ Вильну ко всемъ христіанамъ, къ князю Острожскому, къ кievскому митрополиту Онисифору; 2) сочиненіе Смотрицкаго: *календарь римски новы* (1587). Кроме сего, разсужденія о календарѣ находимъ также въ острожскихъ изданіяхъ: въ сочиненіи пресвитера Василія *о вѣрь единой* и въ посланіяхъ Мелетія, патріарха александрійскаго (см. ниже).

(2) Въ обличеніе латинства были изданы: 1) книги пресвитера Василія *о вѣрь единой* (1588 г.). Здѣсь сочинитель вооружается не только противъ разныхъ ложныхъ мнѣній, которыя разсѣивало латинство въ православномъ народѣ, но и противъ сочиненій: *езумта Скарги* (рук. Сол. биб. № 603, л. 92, 94 и 176 на обор.), *Венедикти Гербеста* (л. 94 на об.), *Стали-*

сомнѣнія, облегчаемы и совершенствуемы жившими при Дерманскомъ монастырѣ образованными греками (1). Дерманскія изданія имѣютъ нѣкоторую особенность, въ которой мы видимъ осуществленіе желанія князя Острожскаго—сдѣлать издаваемыя книги вполне доступными для чтенія всѣхъ классовъ народа. Такъ какъ знаніе церковно-славянскаго языка отъ вліянія польскаго и литовскаго, какъ замѣчено нами прежде, сильно тогда унало въ народѣ, то, чтобы не затруднить православныхъ читателей, особенно менѣе образованныхъ, чтеніемъ книгъ на церковно-славянскомъ языкѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и поддержать знаніе этого языка, въ Дермани начали издавать книги въ двухъ текстахъ: церковно-славянскомъ и литовско-русскомъ (2).

(1) Имъ переведено съ греческаго языка «лѣкарство на оспалый умысль». Также извѣстно, что изданіе октонха совершилось въ Дермани при игуменѣ Исаакіи, протосинкеллѣ патріарха александрійскаго. (см. послѣд. къ окт. Сол. биб. № 1144).

(2) Такъ было издано «лѣкарство на оспалый умысль». Страница противъ страницы въ немъ изложенъ былъ текстъ перевода на языки: церковно-славянскій и литовско-русскій (см. Сл. мит. Ев. 1, 111). Въ богослужебныхъ книгахъ этого сдѣлать было нельзя, такъ какъ богослуженіе принято было совершать на языкѣ церковно-славянскомъ. Но въ этихъ

віи російскія народѣ, съ благодареніемъ се
отъ онаго приѣмше, елико кто изобилуетъ да-
рованіемъ родоязычіа—хвалу, елици просто-
тою—благодареніе, елици внутроними упраж-
няющеся—молитвы принѣсите, и отъ всѣхъ ча-
стей живота вашего даровавшаго намъ въ сіа
времена такова свѣтильника Церкви—благоче-
стиваго князя, Бога похвалите» (1).

(1) См. предис. къ книгѣ «о постничествѣ». Сол.
бмбл. № 249.